

Товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в сопровождении министра сельского хозяйства СССР тов. В. В. Макиенко и директора Всесоюзной сельскохозяйственной выставки тов. Б. Н. Богданова на территории выставки. Фото Д. Чернова

Слава наших дней

...Идемте дальше, товарищи! Необычайная смена впечатлений этого дня превращает нашу прогулку в большое путешествие, полне неожиданностей, открытий, памятных встреч и нетерпеливого ожидания: что-то еще и еще мы узнаем и увидим впереди? Правда, дождь то моросит, то льет как из ведра, ветер то ласково струится, то обрушивается штурмовыми порывами, солнце то прятается за тучи, то с улыбкой разраивает их... Но, право же, все эти перемены не столь уж значительны по сравнению с тем, что открывается перед нами на каждом шагу в нашем путешествии в мир романтики и величия создаваемой нами жизни.

Итак, мы идем дальше и внимательно осматриваемся вокруг. Только что закончился митинг, посвященный открытию Всесоюзной сельскохозяйственной и Всесоюзной промышленной выставок, еще свежи в памяти слова товарищей, выступавших с трибуны, еще не умолкли аллодименты после речи Первого секретаря ЦК КПС С. Н. Хрущева, но над флагами павильонов развеваются уже алые полотнища: выставки открыты. Маршрут наш ясен и прост, его определяет путеводитель, и ничего фантастического в том, что мы видим вокруг, нет. Есть реальность. Но что такое фантастика по сравнению с этой реальностью?

Хотите побывать в Сибири, — пожайте вот сюда, в этот павильон направо; хотите на Урал, — чуть дальше, прямо; а это вот, рядышком, — Убекистан, наконец, через площадь, — Армения, Грузия, а напротив — север, тундра, тайга...

Идемте дальше, товарищи! Необычайная смена впечатлений этого дня превращает нашу прогулку в большое путешествие, полне неожиданностей, открытий, памятных встреч и нетерпеливого ожидания: что-то еще и еще мы узнаем и увидим впереди? Правда, дождь то моросит, то льет как из ведра, ветер то ласково струится, то обрушивается штурмовыми порывами, солнце то прятается за тучи, то с улыбкой разраивает их... Но, право же, все эти перемены не столь уж значительны по сравнению с тем, что открывается перед нами на каждом шагу в нашем путешествии в мир романтики и величия создаваемой нами жизни.

Идемте дальше, товарищи! Теперь уже нам не кажется калейдоскопичной смена впечатлений. Все, что предстает перед нашими глазами, — большая или малая, бросающаяся в глаза или малозамечная, но всегда необходимая и незаменимая часть мощного потока народного творчества.

Этим светом и озарено все, что есть на выставке.

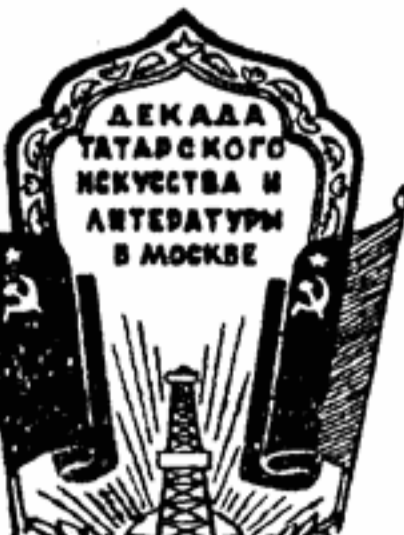
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (3723)

Вторник, 4 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

Перед закрытием декады

Большим вечером, посвященным творчеству Мусы Джалиля, закрылась в субботу литературная часть декады татарского искусства и литературы. Этот вечер, состоявшийся в Концертном зале имени П. И. Чайковского, открыл К. Симонов.

Во вступительном слове секретаря Татарского обкома партии С. Батышева, что для татарских писателей декада явилась большим событием, — они очень благодарны своим московским товарищам по перу за те высказывания, которые были сделаны ими в дни встреч в Союзе писателей СССР.

На вечере присутствовали прибывшие в Москву писатели из ГДР. Секретарь Союза немецких писателей Макс Циммеринг отметил в своей речи, что немецкий народ чтит светлую память Мусы Джалиля, ибо борьба, которую он вел до последнего своего дыхания, служила и делу освобождения Германии от фашизма.

— Мы считаем своим долгом, — заявил М. Циммеринг, — широко ознакомить немецкий народ с жизнью и творчеством поэта: на немецком языке появились уже первые переводы его стихов.

Стихи Мусы Джалиля читали народный артист СССР М. Церен, заслуженные артисты республик В. Сомов, Е. Телегин и другие мастера художественного слова Москвы и Казани.

Силами артистов Театра оперы и балета имени Мусы Джалиля и Государственного татарского ансамбля песни и танца был дан большой концерт.

В воскресенье татарские театры показали свои последние спектакли: оперы «Самат» Х. Валиуллина и «Джалиль» Н. Жиганова, драму «Тревожные дни» Т. Гиззата, комедию «Хужа Насретдин» Н. Исанбета, драмы «Неписанные законы» Ю. Аминова и «Галиябану» М. Файзи.

В Союзе писателей СССР закончилось обсуждение татарской литературы. В субботу были обсуждены некоторые работы критиков и литературоведов: «Советская татарская литература» Х. Хайри, исследование Г. Халита «Габдулла Тукай и татарское литературное движение начала XX века», монография Р. Бикмухамбетова «Муса Джалиль».

Накануне в редакции журнала «Молодая гвардия» прошло обсуждение татарского журнала «Совет здыбияты».

Сегодня в Большом театре состоится заключительный концерт мастеров искусств Татарии.

Рахмат тебе, родная Москва!

Абдурахман АБСАЛЯМОВ

Об этих десяти прекрасных днях, проведенных в столице нашей Родины, мы еще долго будем вспоминать и писать. Сколько волнующих встреч с читателями и зрителями, сколько ярких, содержательных бесед, споров с видными писателями Москвы и братских республик! Мы замирали перед открытием тяжелого занавеса, как примет требовательный и знающий московский зритель наши постановки? Неужели радость охватывала нас: зрители аллодировали, сотрясая свода залов, стоя, по пять-шесть раз вызывая артистов и авторов!

— Нет, слишком еще свежи в наших сердцах волнения и впечатления, чтобы спокойно, в деловом тоне рассказать о большом значении декады. Сейчас прежде всего хочется, по обычаю нашего народа, положить руку на сердце и сказать:

— Рахмат тебе, родная Москва, спасибо за радостный и дружеский прием, за твою любовь и уважение к татарскому народу!

В Москве нас ни на минуту не покидало то ясное и светлое, поистине весеннее чувство, с которым выехали мы десять дней назад из Казани. Более того, это чувство росло день ото дня. Мы и у себя дома и до декады знали силу крыльев татарской поэзии, силу талантов наших прозаиков и драматургов, красоту нашего театрального и оперного искусства. Мы, естественно, тревожились: сумеем ли со своей свежестью и полнотой донести до московского читателя, зрителя наше искусство, поймут ли друг друга, будут ли продолжены прочные пути от сердца к сердцу?

Еще в Казани нам стало известно, что билеты почти на все наши спектакли распроданы, что многие желающие не могут попасть в наши театры, на литературные вечера и концерты. Такой горячий прием с самого начала и раздал нас и еще больше, чем раньше, тревожил: ведь нет ничего хуже, чем обмануть надежды.

И вот первые спектакли, первые концерты, первые встречи писателей и поэтов с читателями. Как они прошли? Хорошо! Наши тревоги оказались напрасными. Татарские литераторы, композиторы и артисты в своих лучших произведениях, — дошла до читателей и зрителя.

О верности татарской литературе правды жизни, о неразрывной связи татарских писателей с судьбой народа много говорили до время обсуждения произведений татарских литераторов в Союзе писателей СССР. Там состоялся серьезный и очень полезный разговор о нашей прозе, поэзии, драматургии, критике, поднимались вопросы и современной литературы и литератур-

Несмотря на ограниченность времени и организационные просчеты, нам удалось показать москвичам, какой большой и самобытный литературный обладает татарский народ. Теперь поймут свою ошибку те, кто считал, будто татарская литература начинает свое существование лишь от Каюма Насыри и Габдуллы Тукая, то есть с конца девятнадцатого и начала двадцатого веков, а до этого было ничего и не было. Мы привезли в Москву «Антологию татарской поэзии», где собраны жемчужины нашей поэзии, начиная с XIII века! Нам было отрадно слышать от своих московских друзей, что благодаря «Антологии», которая — увы! — еще не очень-то полна, она как бы заново открыла для себя татарскую поэзию, разнообразие ее богатства. Да, не на голом месте возникли творческие победы поэта народных дум и чинаий Габдуллы Тукая, проповеднического прозаика Фатыха Амирхана, крупного романиста Галимджана Ибрагимова, великодушного, страстного советского поэта Хади Такташа, солдатские песни Фатыха Карима, подлинно героическая «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля, лауреата Ленинской премии!

Татарские писатели на обсуждениях своих произведений не сидели благообразными шакирами, приехавшими выслушивать поучающие наставления. Мы живуче участвовали в обсуждениях, спорили, иногда не соглашались со своими друзьями. Нам общее дело от этого только выигрывало. Московские товарищи — и мы очень благодарны им за это — были далеки от великодушного словоблудия. Отмечая все хорошее, они резко, со всей откровенностью, на которую способны лишь настоящие друзья, говорили о наших недостатках. Нам очень понравился этот открытый товарищеский тон, искреннее желание поделиться своим большим опытом, желание помочь нашей литературе как части великой многонациональной советской литературы. И надо сказать, что после декады мы, татарские литераторы, деятельнее работали и работаем, надо настойчивее повышать мастерство, решительнее развивать в себе самих здоровое чувство ответственности, творческой требовательности, самокритики. Это необходимо для того, чтобы быть на высоте задач партийного, истинно народного искусства социалистического реализма.

В дни декады мы еще ближе познакомимся с русскими писателями, писателями

братских республик, укрепимся наши литературные связи, крепче стала наша нерушимая дружба. Многие московские писатели заявляли, что им очень хотелось бы побывать в Татарии, своими глазами посмотреть, как живет трудолюбивый татарский народ, еще лучше изучить нашу литературу. Мы ответили им: милости просим, дорогие москвичи, приезжайте к нам в Татарии!

Искусством татарского народа все больше интересуются и за рубежом. Наши дорогие друзья радовались нашим достижениям, а недруги — хмурились. Продолжая нападки на социалистический реализм, недруги кричат, будто этот метод не дает писателям простора, убивает их индивидуальность, отнимает у литературы национальную самобытность. Татарские писатели и работники искусства считают социалистический реализм единственным методом своей творческой работы. Все то лучшее, что в дни декады было показано москвичам, создано благодаря этому методу, на его основе. Сколько жизнелюбви и энергии в операх Н. Жиганова «Алтынчеч» и «Джалиль», Х. Валиуллина «Самат», в чудесном балете Ф. Ируллина «Шурале» и в полной народной мудрости комедии «Хужа Насретдин» Н. Исанбета, в веселых «Башмачках» Дж. Файзи. Каким ярким факелом пылают стихи поэта-героя Мусы Джалиля, победившего смерть во имя бессмертия своей Родины! Только враги могут заявлять, будто эти произведения лишены яркости, национальной самобытности. Липь то, что угодно национально, народно, может стать интернациональным. Это давняя и всегда живая истина!

У народов Востока есть прекрасная пословица: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Успех декады татарского искусства и литературы в Москве — это еще одно наглядное подтверждение правильности и жизнестойкости метода социалистического реализма, который беспредельно обогащается за счет опыта искусства всех братских народов. Липь слепой не увидит этого!

Декада татарской литературы и искусства проходила в дни, когда наша огромная Советская страна готовится к празднованию сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. Не будь Октябрь — не было бы этой декады. Потому ее и надо рассматривать как итог того, что долго освобожденный народ в своей культуре. Успех декады татарского искусства и литературы — это еще один пример торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Еще раз спасибо, родная Москва, дорогие друзья москвичи! Этих дней мы не забудем!

ЖУРНАЛЫ В ИЮНЕ

«ЗВЕЗДА» Июньские номера «Звезда» и «Нева» посвящены 250-летию Ленинграда. «Звезда» открывает статью А. Дамштина, подборку новых стихов В. Саянова, А. Чуркина, Э. Иодковского, Л. Хаустова, Д. Ушакова, Г. Некрасова, Б. Леонтьева, Г. Трифонова, В. Устинова, албанского поэта Л. Вильбида.

«МОСКВА» Номер открывает большая подборка «Ленинград» — 250 лет. Со своими высказываниями выступил группа ленинградских писателей — О. Форман, Н. Никитин, В. Саянов, В. Кетлинская, Л. Папугин, Л. Рахманов, В. Дружин, Э. Грин.

«НОВЫЙ МИР» Под новой рубрикой «Сорок лет назад» открывается журнал, печатается очерк В. Курочкина «Снова в Сормовах». В подборке даны воспоминания С. Шудыги, Я. Рудника, М. Сулимовой, К. Лихачева.

«ДРУЖБА НАРОДОВ» Многие материалы, опубликованные в различных разделах июньской книжки, посвящены 400-летию присоединения Кавказа к России. Это — большая подборка стихов кабардино-балкарских поэтов Б. Пачева, А. Хавлачаева, А. Кешокова, К. Кулиева, статьи В. Гарданова «Четыре века русско-кабардинской дружбы» и Ю. Либединского «По древним тропам и новым дорогам» и другие.

«ЗНАМЯ» Журнал печатает большую повесть Н. Чуковского «Последняя командировка», посвященную поленовой Германии, и рассказ Н. Никитина «Бурна». Поэзия представлена подборкой стихов М. Танка «Стихи с дороги».

СЪЕЗД В ТИРАНЕ

Состоявшийся недавно в Тиране первый съезд писателей и работников искусств — событие исключительной важности для албанской культуры, пожалуй, крупнейшей века в ее истории. Ведь подобный съезд собрался впервые за все время существования албанской литературы и искусства. А если говорить о прошлом нашей культуры, то нельзя обойти молчанием тот факт, что, скажем, накануне освобождения нашей страны, то есть немногим более десяти лет назад, около девяноста процентов населения было неграмотным. Что касается литературного достояния, то мы получили чудесное поэтическое наследие — творчество поэтов Наима Фрашери, Лидона Зайо-Чауши, Миддени и других. Но проза и драматургия только начинали развиваться, лишь несколько имен можно было назвать среди деятелей изобразительного искусства, не было албанских композиторов-профессионалов.

Годы, истекшие после освобождения, были годами побед как для нашей экономики, так и для нашей новой культуры. Я имею в виду не только ликвидацию неграмотности и создание многих школ, открывшихся в самых отдаленных уголках моей родины, но только первые высшие учебные заведения в истории Албании, не только многочисленные библиотеки и театры. Я имею в виду также быстрое развитие литературы, музыки и изобразительного искусства. Несомненные успехи литературы и искусства за эти последние годы нашли свое отражение в докладах и выступлениях на съезде, на котором выступило более 45 человек. Наша новая литература обладает не только идейным богатством, но и художественным многообразием.

Об этом рассказал в своем докладе председатель временного комитета Союза писателей и работников искусств Димитр Шутерчи. Албанская литература и искусство, сказал докладчик, проникнуты духом партийности, благородными идеями строительства и защиты мира. Они правдиво отображают действительность, творческие усилия трудящихся в мирном созидательном труде.

В албанской литературе разрабатываются почти все жанры. Особо следует отметить успехи достигнутые в создании прозаических произведений крупных жанров. Здесь надо назвать романы Д. Шутерчи, Ф. Дытчи, К. Души, С. Слассе, поэмы Л. Силчи, Ш. Мусарая, А. Барнуки, К. Якови, М. Гуракуни, А. Варфи, А. Чаи, драмы К. Якови, С. Питарки, С. Чомора, В. Левонья, И. Уручи и других литераторов. На съезде было обсуждено немало проблем, особенно в связи с дальнейшим развитием албанской литературы. Нашим произведением присутствующим писателям черпали его в жизни народа, но в некоторых книгах наши авторы не избежали лакировки, упростили тем самым действительность, игнорировали трудности. Есть у нас также писатели, которые, наоборот, сгущали краски в своих произведениях, оказывая тем самым плохую услугу читателю, нашему народу. Думается, эти недостатки — следствие непривычки к оценке конфликтов нашей жизни. В ряде книг авторы схватывают самую суть конфликтов в нашем обществе, но их художественное отражение не всегда убедительно. Так, скажем, в романе Кин Души «Шут Велая» недостаточно мотивирована острота столкновения между героями, а в романе Димитра Шутерчи «Освободители» не выделен главный, узловой конфликт романа.

Неглубокая художественная разработка жизненных конфликтов ведет к тому, что порою герои наших книг бывают схематичными, они не имеют своего духовного мира, не вызывают ни неанвистии, ни симпатии. Поэтому участники съезда подчеркивали, что литераторы и работники искусства должны стремиться к созданию глубоких, типичных характеров, раскрывающихся в больших жизненных конфликтах.

Язык цифр мало применим к литературе, но нельзя не упомянуть, что только за последние четыре года наши писатели выпустили 13 романов и повестей и 25 сборников рассказов. Хочется подчеркнуть и то обстоятельство, что наши литераторы обладают своим творческим почерком, и читатель всегда отличит, скажем, прозу Д. Шутерчи от прозы Ф. Дытчи.

Призыв к писателям и работникам искусства создать высококачественные произведения, достойные албанского народа, содержится в приветствии съезду от ЦК Албанской партии труда. Албанская литература и искусство, говорится в приветствии, занимают почетное место в борьбе за строительство социализма. Используя метод социалистического реализма и опыт советской литературы и искусства, албанские писатели, художники, композиторы создали немало крупных произведений. Однако, подчеркивается в приветствии, писателям и работникам искусства необходимо глубже овладевать марксистско-ленинской теорией, неустанно повышать свое мастерство, пылливо изучать жизнь.

Успехи литературы, музыки и изобразительного искусства столь очевидны, что даже самые большие пессимисты не могут ни в чем видеть. Мы знаем, что именно метод социалистического реализма научил нас кровно связывать искусство с интересами народа, — эта мысль звучала во всех выступлениях участников съезда. Те из наших писателей, композиторов, художников, которые хоть в какой-то степени способствовали обогащению нашей культуры, черпали также из родников советской литературы, музыки, изобразительного искусства.

Достижения нашей литературы и искусства за последние годы являются живым и неопровержимым свидетельством плодотворности, силы и преимуществ метода социалистического реализма, тех больших возможностей, которые он создал для развития литературы и искусства. И это в стране, отсталой в недавнем прошлом, не имеющей богатых традиций в области художественного творчества!

Наши писатели и работники искусств воодушевлены одним стремлением: ответить на призыв партии и народа новыми творческими достижениями — ведь они живут одной жизнью с трудящимися массами, строящими социализм в Албании.

Стерно СПАСЕ, албанский писатель
ТИРАНА, май
Союзу польских писателей
Советские писатели разделяют вместе с польскими писателями скорбь по случаю утраты выдающегося польского поэта Леопольда Стафа и выражают глубокое соболезнование близким поэта.
Секретариат правления Союза писателей СССР

ЧЕЛОВЕК ОБХОДИТ ЗЕМЛЮ

Николай АСАНОВ

Есть книги, которые открываются, как тропу в лесу. Следы натруженных ног глубоко врезаются в почву, и хочется пройти след в след за тем, кто протопил эту тропу сквозь непохожие места. Очень может быть, что след выведет в знакомые края, но ведь и там вдумчивый и умный спутник может открыть тебе многое, что до этого проходило мимо твоих вниманий...

И. Соколов-Микитов «земной шар чуть не весь обошел...» И каждая его книга является следствием волнений, дум, вторжения в жизнь. Он изучил многие профессии: был матросом, детским, учителем, журналистом, охотником, но прежде всего и всегда являлся исследователем мира. Ему думается, что стремление познать этот мир и сделало его писателем.

В своих коротких автобиографических заметках И. Соколов-Микитов пишет о тех временах, когда служил матросом: «Каждое лето мы заходили в турецкие, сирийские, греческие, африканские и европейские порты, кипевшие шумною жизнью, пожалуй, это было самое счастливое время... когда я сходил и знакомился с простыми людьми, а сердце мое трепетало от подлости и радости ощущения земных просторов».

Но вот что больше всего поражает в творчестве И. Соколова-Микитова. И сейчас, так сказать, на склоне лет, писатель с такой же энтузиазмом готовность восходит на борт корабля, отправляющегося в тяжелые арктические плавания, и вновь острый глаз его видит простого человека в его труде с той же любовью и, я бы сказал, нежностью, которая так скрашивала юношеские впечатления матроса.

Книга «Повести, рассказы, очерки» является как бы сводной для писателя. В нее включены произведения, помеченные датами от 1922 года («Найденное луто») до последних лет... очерки о путешествии в Арктику. Но хронологически размах произведения значительно шире: это и детство писателя, совпавшее с периодом первой русской революции 1905 года, и та темная, безысходная мгла нищеты деревенской жизни, которая привела к крестьянским бунтам девятисотых годов, и тот, соседствующий с нашим миром капитализма, где движение времени как бы прекратилось и живущие там люди отрезаны от всех остальных невидимой стеной.

И не напрасно назвал творчество Соколова-Микитова исследованием. В его прозе почти всегда присутствует авторское «я». «Я» Соколова-Микитова — это нелицеприятный свидетель, внимательный наблюдатель, сторонник доброй силы и ее помощник. Причем этот сторонник и помощник не только не тячет «перстом указующим» на зло, присутствующее в мире, он лишь внимательно и добросовестно изучает мир, а уж читатель сам, без помощи автора, разбирается в той борьбе, свидетелем которой сделал его автор. В начале книги, в рассказе о детстве, «я» автора присутствует как бы для того, чтобы провести читателя по темным дорогам прошлого. Но вот что любопытно: когда начинается серия рассказов о старой русской деревне: «Елень», «Сын», «Слепцы», писатель уже не употребляет местоимение «я», однако читатель все равно чувствует присутствие автора в каждой ремарке, потому что отношение к жизни и ее событиям, мягкое, ненавязчивое, присутствует в каждом рассказе, и мы благодарны рассказчику, так как его острое видение обогащает наше представление о показанном нам мире.

Проза И. Соколова-Микитова на первый взгляд написана очень просто. В его рассказах нет сложных сюжетов. Это всего-навсего подсмотренный изнутри взор человеческих отношений. Но все дело как раз в том, что автор видит события изнутри. Много ли, казалось бы, событий в рассказе «Иль?» Сын бывшего владельца усадьбы Алмазов приходит (именно приходит, а не приезжает!) на побывку в родные места. Его встречают мужики. Он живет у них, гостит на свадьбе, косит сено, навещает развалины сожженной усадьбы.

И. Соколов-Микитов. Повести, рассказы, очерки. «Советский писатель», 1956, 754 стр.

КОГДА ВЫШЕЛ В СВЕТ РОМАН АН. РЫБАНОВА «ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА»

некоторые критики встретили его не-приятно. По их мнению, многое в этой книге было будничным, бесперспективным, лишненным широкого общественного звучания. А у читателя книга имела большой успех.

Что ж, к сожалению, интересы критиков и рецензентов, читателей и зрителей не всегда совпадают. Первые требуют, чтобы рупоры времени кричали в произведении во все мощь, как громкоговорители на площади. А вторым, нашим умным и давно вышедшим из младенчества читателям и зрителям, хочется размышлять, угадывать, самостоятельно выводить мораль из произведения. В этом им критики помогают не часто. Все, что касается проблем, прямолинейно выраженных в иных книгах и фильмах, разъяснено отлично. Но истолковать движение души, психологиче-ские чувства человеческие критики не хотят.

А почему? Разве в сфере чувств и личных переживаний советских людей не произошло разительных, необычайных перемен? Разве партия и народ творят только гигантские новостройки, создают материальные блага и не формируют нового человека, у которого все — жизнь, труд, мораль, чувства одухотворены высоким социалистическим сознанием, воспитанным всем новым строем нашего советского бытия? И только по недомыслию интерес читателей и зрителей к произведениям, посвященным бытию можно назвать нездоровым и даже отвратительным. Сила общества — в органическом слиянии личного и общественного, в целеустремленности труда и нравственной чистоте личной жизни. Долг искусства — показать это так, чтобы судьба каждого героя была примером и поучением для молодого поколения.

Что же поучительного в примере Екатерины Ворониной? В этом необходимо разобраться, и особенно сейчас, когда она начала свою вторую жизнь, теперь уже на экране, в одноименном кинофильме, выпущенном киностудией имени М. Горького (сценарий А. Рыбанова, режиссер И. Анненский) и снова привлекла множество зрителей, горячо заинтересованных ее судьбой.

Много горестного в судьбе Ворониной. Она еще в детстве испытала на себе силу семейного деспотизма. Властная и суро-

И уходит обратно туда, откуда печально пришел. И все. Но остается то самое, что складывалось в «Ты — пыль». И следы Алмазова заметает дорожной пылью... Прост и рассказ «Сын». Приход в глухую смоленскую деревню сын безземельного мужа Оброски, пропадавший где-то много лет. Он — «денежный человек». Но между Оброской и деревней явно идет тяжба. Общество не приняло Оброску, не выделило ему надела земли. Сын Оброски надеется, что теперь все станет по-другому. Однако деревня стоит на своем. Непонятная вражда к безземельному туманит головы крестьян. Они с удивительным пропавшим деньгами Борса, выигравают их у него в карты, но надела не дают. И все идет, как прежде... А читатель еще долго смотрит на последнюю страничку рассказа и раздумывает об «идиотизме деревенской жизни», пока не вспомнит, что все это окончилось с революцией, ничто из этого не повторится. И острое чувство радости вдруг охватит его...

Не мало, не правда ли? И так, кажется, проза Соколова-Микитова бесхитростна. Но это только на легковверный взгляд. На самом деле в ней заложено огромное уважение к форме, той самой, которой всегда отличалась русская проза и о которой не всегда думают молодые литераторы.

Поговорим о ритме этой прозы, — не в обиду будь сказано нашим поэтам, которые ныне стремятся пережить от прозы ее «сплошность». Этот ритм в прозе Соколова-Микитова всегда действительный, острый, меняющийся в зависимости от описываемых событий, легко находимый и держащий читателя под своим воздействием.

Вот кусок из повести «Детство». «Когда мы подырались, в воротах еще висела алмазная сетка дождя, а сквозь прозрачные падающие капли уже сияло, переливалось лучами летнее радостное солнце. Отец зарыгал залупавшихся в посторках, лоснившихся от дождя, нагнутых грозой лошадей, нетерпеливо и беспокойно переступавших ногами. Еще всеяла оказалась обожженная березами, омытая дождем дорога; мутные потоки стремлились по склонам; многодетная ралута висела над лугом; яркое солнце блеснуло на спицах лошадей. Я сидел рядом с отцом на козлах, глядя на бестеющую лужами, извивающуюся вперед дорогу, на уходящую в темноту, освещенную солнцем и все еще грозящую тучу, на столб белого дыма, подымавшегося вдалеке над зажженным грозой сараем, слышал веселые голоса птиц в открывшемся мне мылком, чудесном солнечном мире».

Обратите здесь внимание на сложность фразы, ее протяженность, на забываемый нашими писателями знак препинания. — точку с запятой, который позволяет держать описание в движении и в то же время не прерывать его; посмотрите, какими средствами дана эта живописная картина послетретья и как она впечатляет; почувствуйте в этой ритмической дорожке, только что прерванной грозой и вот вновь уже дующей и веющей в еще более таинственную даль...

Трудный и длинный путь прошел писатель по земле. И как следствие писательского видения, родились очерки, собранные в конце книги. Я бы посоветовал читателю внимательно взглянуть в один из самых острейших очерков: «Спасение корабля». Героическая эпопея спасения ледокола «Малыгин» и гибели маленького портового буксира «Русла» во время океанского шторма описана так, что вы как будто день за днем присутствуете на работах вместе с полярниками. А трагедия «Руслана» захватывает сердце еще и сейчас, когда прочтешь уже много лет со дня спасения трех уцелевших моряков, шесть суток бедствовавших на шлюпке среди океана.

И север и запад, восток и юг занимают писателя. Но, пожалуй, больше всего и лучше всего удалось Соколову-Микитову именно северные очерки. Может быть, потому, что там отчетливее проявлялись характеры людей...

Большая жизнь и прекрасные результаты!

«Защитим детей» — так назвал свою подлинную работу белорусский скульптор С. Селиханов. Фото И. Соловейчикова

ИТОГИ ПЕРВОЙ «МОСКОВСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ВЕСНЫ»

Двадцать восьмого мая жюри первой «Московской театральной весны» сообщило об итогах этого театра искусства солидной работы. Из 33 показанных спектаклей премьерой признаны: «Село Степанчиково и его обитатели» Ю. Козырева — за роль спектакля Малого театра «Власть тьмы» (постановщик Б. Раевский); второй — спектакль Центрального театра Советской Армии «Фабричная девочка» (постановщик молодой режиссер Б. Львов) и спектакль Театра имени Вахтангова «Фидулам Мартурано» (постановщик молодой режиссер Е. Симонов); третий — спектакль Театра имени Маяковского «Сонет Петрарки» (постановщик Е. Зотова), балет «Гаянэ», поставленный на сцене Большого театра В. Вайнонемо, и спектакль Театра оперетты «Попелуш Чингиз» (постановщик Г. Шаховская и С. Штейн).

Индивидуальные премии за лучшие актерские работы сезона получают: М. Царев — за исполнение роли помещика Ростанцева в спектакле Малого театра «Село Степанчиково и его обитатели»; Ю. Козырев — за роль профессора Полежаева в спектакле МХАТ «Беспощадная старость»; Л. Богданова — за роль Гог в спектакле Московского драматического театра «Человек с портфелем»; А. Степанова — за роль Елизаветы в спектакле МХАТ «Мария Стюарт»; Л. Морозов — за роль Боккаччо в спектакле Театра имени Станиславского и Невмировича «Данченко Боккаччо» и артистка Театра юного зрителя Л. Кизева за исполнение роли Ляли в спектакле «Кристаллы П. С.» и роли Новиков в спектакле «Место в жизни».

Кроме того, жюри первой «Московской театральной весны» присудило поощрительные грамоты как целым коллективам, так и отдельным артистам и режисерам.

Книги к 40-летию Великого Октября

Измайлов Н. Балтийский флот в Октябрьские дни. «Минус» 48 стр. Цена 40 коп.
Крижановский Г. Ибрагимов. Госполитиздат. 568 стр. Цена 10 руб. 40 коп.
Михайлов И. Четвертая века подпольщика. Воспоминания рабочего-большевика. Госполитиздат. 272 стр. Цена 5 руб. 50 коп.
Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам. Составил А. Иванский. «Молодая гвардия». 408 стр. Цена 7 руб. 20 коп.
Павлов Я. Волнистая Октябрьская социалистическая революция и развитие национального вопроса в Чувашии (1917—1925 гг.). Чебоксары. Чувашское государственное издательство. 187 стр. Цена 2 руб. 75 коп.
Свердлов К. Иов Михайлович Свердлов. Воспоминания. Литературный записки А. Свердлова. «Молодая гвардия». 559 стр. Цена 10 руб. 40 коп.
Темин Я. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). Госполитиздат. 111 стр. Цена 1 руб. 50 коп.
Шумилов М. Борьба большевистской организации Карелии за победу и укрепление Советской власти (1917—1918). Петрозаводск. Государственное издательство Карельской АССР. 177 стр. Цена 3 руб. 25 коп.

Судьба женщины

был ее начальником. Но вот, когда он снял, повержен, полон раскаяния, она почувствовала всю силу своей горячей любви к нему. Это и есть страдание, подлинное чувство. А если это так, люди будут взаимно обогащать друг друга и оба тянуться вверх.

Разве нет в трудах и делах, в иезуитской Ворониной, очень современного человека? Шеро и широкое сердце Екатерины и строгость ее моральных принципов, которые формирует жизнь на наших глазах, — вот что привлекло и взволновало зрителя в этой картине.

Поэзия труда и поэзия чувств, заложенные в сценарии, нашли своего художника в операторе Игоре Шатрове. Он превосходно снял не только чудесную природу волжских просторов, всегда включенную в действие, дополняющую и раскрывающую чувства героев, но и самих героев. И так, что нам о многом рассказывают их глаза, жесты, движения, манера ходить и разговаривать. Искусству оператора картина обязана доброй половиной своего успеха.

Конечно же, в этом фильме есть недостатки. По временам ощущается неровность, искусственность диалогов, прямолинейность в обрисовке характеров героев — я уже говорил о складчатой картинности Мостового, о несильно чрезмерной душевной расслабленности Леднева... Но эти недостатки мало приметны, потому что даже в эпизодической картине есть роли, сделанные с большим мастерством и знанием жизни. Таковыми же, как они показаны в романе, предстают перед нами Стурин (М. Ульянов), Ирина (А. Шпринг), Дуся Ошуркова (Н. Мордюкова), Соня (М. Лифанова), Елисей (А. Пелевин). Эти персонажи помогают воссоздать атмосферу жизни, на фоне которой разворачивается главное повествование.

В судьбе одной женщины отражены судьбы многих. Не наглядные сентенции, а сам собой вытекающие из живого течения приводят зрителя и выводу — путь к большому личному счастью невозможен без верности долгу, чести, морали, без непреклонной оценки человека по тем новым нравственным принципам, которые уже сложены в нашей советской жизни.

В. МИХАЙЛОВ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ГОРЬКИЙ И ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

А. НИНОВ

1. Оживленная дискуссия о социалистическом реализме, принявшая международный характер, проявила различные и прямо противоположные тенденции. Усилились открытые атаки на социалистический реализм со стороны наших врагов. Обострились скептические сомнения у людей колеблющихся. Накопилось немало законных вопросов у наших итильных друзей. Мы видим, что совершенно необходимую критику догматических представлений о социалистическом реализме силы, враждебные социализму и его искусству, пытаются использовать в своих целях. Но это не может остановить нашу работу по уточнению и разработке теории социалистического реализма, освобождению ее от схоластических наслоений.

Вопросы социалистического реализма сейчас, более чем когда-либо, необходимо ставить конкретно. Живой опыт советской литературы и крупнейшие ее представители нуждаются в глубоком и всестороннем теоретическом осмыслении. И здесь наша мысль неизбежно обращается к истокам социалистического искусства, к творчеству Горького, с наследием которого в первую голову должны будут почитать все те, кто хотел бы объявить социалистический реализм «несуществующим».

С первых же своих шагов в литературе Горький стремился не только утвердить на практике, но и теоретически сформулировать основные принципы нового, героического искусства, которое начиналось за гранью, достигнутой реализмом Чехова, Короленко, Толстого. Однако к определению существа нового метода Горький пришел не сразу. Это определение все более уточнялось по мере того, как накапливался опыт новой литературы.

Вопросы социалистического реализма, раскрываемые на основе творческой практики Горького — художника и теоретика, давно уже стали предметом специального научного изучения. Из обширной литературы достаточно назвать последние книги Б. Михайловского, В. Бялика, В. Бурсова, А. Волкова, С. Касторского, И. Новича и других. В этих работах накоплен значительный фактический материал и обобщен опыт предшествующего изучения творчества Горького, поставлены важные историко-литературные и теоретические проблемы. Недавно появилась еще одна полезная работа «Семинарий по Горькому» К. Муратовой. И вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением К. Муратовой, что «вопрос о Горьком как художнике и теоретике литературы социалистического реализма оказался наименее освещенным в последнем литературоведении». К этому следует лишь прибавить, что в потоке горьковедческой литературы последних лет отчетливо обозначились и отрицательные тенденции, свидетельствующие о слабой разработке теории.

2. Социалистический реализм возник не в стороне от художественной мысли человечества, а на главной, столбовой дорожке ее развития. Мы еще не раскрыли в полной мере те духовные, культурно-исторические узлы, которые связывают все живое и истинно прекрасное в нашей литературе с лучшими образцами и традициями русского реализма XIX века и опытом всего прогрессивного мирового искусства.

Бесспорно, например, положение, что социалистический реализм, творчество Горького в частности, исторически является новым, высшим звеном литературного развития, направлением, определяющим судьбы искусства будущего. Но это вовсе не означает, что в культуре прошлого для нас исчезают образцы, навсегда остающиеся непреодолимыми по своей эстетической ценности.

Между тем, говоря об отношении Горького к его предшественникам, «ограниченность» последних нередко измеряется тем, насколько они «не досторли» до Горького. Иначе говоря, к разным историческим явлениям, которые должно судить по их собственным законам и мере, применяется один и тот же масштаб.

В книге А. Волкова «М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков» (1954), где сказано немало верных обих фраз о том, что к литературным явлениям следует подходить конкретно-исторически, можно, например, столкнуться с такими характеристиками: «По своей теме «Ошибка» близка «Красному цветку» Гаршина и чеховской «Палате № 6». Однако идейный диапазон горьковского рассказа значительно шире, нежели диапазон рассказов Гаршина и Чехова».

Одно из лучших и наиболее совершенных созданий Гаршина не вполне удовлетворяет исследователя тем, что «герой гаршинского «Красного цветка» только (!) протестует против несправедливых жизненных норм, и его протест носит в известной мере эстетический (!) характер». Точно так же «чеховский Громов в «Палате № 6» ограничивается лишь (!) обличением существующих порядков, и только иногда в его словах проглядывает мечта «о прекрасной жизни, какая будет на земле».

Красота подвига, пусть даже во имя пиллзорной цели: высокое «безумство» героя «Красного цветка», возмущающее против символического мирового зла; проклятия и приговор действительности, уподобляющейся «сумасшедшему дому», — вот важнейшие грани необычайно концентрированного содержания гаршинской аллегорической новеллы. В реализме Гаршина, не говоря уже о Чехове, зрели прелюбительны будущим тем и мотивов, по-новому подхваченных Горьким. Это истинное содержание их творчества не раскрыто А. Волковым. Еще более грубо в книге проведена параллель между Горьким и Короленко, их рассказами «Ма-альничка!» и «Чуня!».

«Писатель порицает непримиримо враждебное отношение девушки к сопровождающему ее жандарму — отсталому, темному человеку, который проявляет в ней жалость, пытается поговорить с ней «по-человечески», — пишет исследователь.

«Такой примиряющий гуманизм был никак не свойствен Горькому», — заключает А. Волков.

Итак, позиция Короленко — это позиция слезливого гуманиста, «примиряющего» революционера и жандарма... Такие «парадоксы» неизбежны, когда грубо игнорируется конкретный замысел и подлинный идейный и художественный диапазон писателя...

Затронутый вопрос имеет и другую важную сторону. Наследование и развитие традиций далеко не всегда происходит по «прямой» линии. Этот процесс включает в себя и момент спора, резкой, а порой и непримиримой полемикой. Достаточно вспомнить об отношении Горького к Достоевскому. Факт многолетней полемикой Горького с Достоевским свидетельствует, однако, не только о непримиримости их идейных позиций. Он говорит и о том, что Достоевский прикасался к самым острым и важным вопросам, продолжавшим мучить и Горького, хотя Достоевский нередко с реакционных позиций ставил эти вопросы.

В некоторых же работах подлинная сложность проблемы снимается. Слабость такого подхода определяется тем, что самый вопрос ставится абстрактно: «цельность» лучше «раздвоенности», Горький лучше Достоевского... Между тем в «раздвоенности» психики героев Достоевского с необыкновенной глубиной отражена коренная, существенная черта определенного социально-психологического типа, человека буржуазно-индивидуалистического, разрывного сознания. Это тип эпохи, в познании которого Достоевский поднялся ко высот мирового искусства.

В творчестве Горького с самых первых его шагов и кончал эпошей «Жизнь Клима Самгина» вместе с человеком «цельного характера» представлено и огромное множество героев разрывной, раздвоенной психикой. И здесь опыт Достоевского имел для Горького первостепенное значение. Горький, конечно, дал иную трактовку этому типу, указал на его подлинно исторический смысл. Революционная действительность, социалистическое мировоззрение позволили Горькому увидеть и другого — цельного героя-борца, выдвинуть новую концепцию человеческой личности, легшую в основу его реализма.

В сложности соотношений проступает и реальная связь основоположника социалистического реализма с его предшественниками и новаторское движение вперед, обусловленное новым этапом историко-литературного развития. Выравнивать эту связь, сводить ее к мертвым и неподвижным «противоположностям» — значит разрывая связь живой традиции, упрощать смысл идейной полемикой, сопровождающей движение литературы.

3. В статье «О формализме» (1936) Горький справедливо заметил, что «точные определения — дело весьма трудное, если не брать определения эти в их историческом развитии». Эту мысль особенно важно иметь в виду, когда речь идет о социалистическом реализме. Всякое развитие заключает в себе специфические противоречия. Противоречивым был и путь Горького-художника. И это касается не только тех моментов его эволюции, когда он допускал прямые философские или политические ошибки («Богостроительство», публицистика в «Новой жизни» 1917—1918 гг.).

В противоречивых исканиях складывались и горьковский художественный метод, и его эстетика. Уже в советские годы Горький так отзывался о начале своего пути: «Я писал различные весьма сумбурные вещи: «Читатель», «О писателе, который зазнался», «О чуже, который лгал», «О черте», — писал очень много, а еще больше рвал и сжигал в печке. Известно, что в конце концов я нашел какую-то свою тропу».

Если верить авторам ряда последних книг о Горьком, то можно подумать, что на поиски «своей тропы» писателю не пришлось ватрять почти что никаких усилий, будто он не знал в своей практике ни сомнений, ни раздумий, ни творческих неудач. Давно установлено, что горьковский реализм не сразу был обогащен социалистическим качеством. Для этого были необходимы и изменения самой действительности, и субъективные предпосылки — оформление социалистического мировоззрения писателя.

Большинство исследователей творчества Горького единодушно в выводе, что именно революционная эпоха 1905—1907 гг. вызвала в жизни социалистический реализм, как новое направление в истории русской и мировой литературы. Здесь следует отметить книгу И. Новича «М. Горький в эпоху первой русской революции» (1955) и в особенности работу В. Бурсова «Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма» (1955). Книга В. Бурсова пока остается единственным в своем роде опытом теоретического исследования, построенного на широком историко-литературном фоне. Однако даже к этому наиболее интересным работам может быть отнесен общий упрек. Дело в том, что В. Бурсов, например, стремится установить единый «определяющий принцип» композиции сюжета, построения характеров, сохраняющий свою силу на всем протяжении советской литературы.

Годовщина смерти С. ВУРГУНА

БАКУ. (Наш корр.) В республике широко отмечена годовщина со дня смерти Самеда Вургуна. Траурный митинг состоялся в могилах поэта.

В Азербайджанском драматическом театре имени М. Азизбекова проведен литературно-художественный вечер. После вступительного слова М. Ибрагимова с докладом выступил О. Сарьяев. В заключение были показаны отрывки из пьес Самеда Вургуна.

Но стоит поставить в ряд такие крупнейшие явления, как эпопея Горького «Жизнь Клима Самгина», исторический роман А. Толстого «Петр Первый», «Тихий Дон» М. Шолохова, «Падение Парижа» И. Эренбурга и, скажем, сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова, чтобы убедиться, насколько различен в них «определяющий принцип» сюжета. В каждом случае он обусловлен своеобразием замысла, жанра, историческим и национальным характером материала, положенного в основу произведения.

Думается, что общие черты метода социалистического реализма следует искать не в тех или иных отдельных элементах художественной структуры, а в новом наполнении основных категорий реализма, в новом типе историзма, народности, гуманизма социалистического искусства. Номина структурных элементов здесь является производной, их конкретные формы — бесконечно многообразными.

4. Вопрос о герое — центральный для каждого направления, самостоятельно выступавшего в истории литературы. Основным этот вопрос остается и для искусства социалистического реализма. Как показывает опыт недавних дискуссий, крайне бессодержательными оказались попытки создать умозрительную конструкцию того, каким должен быть герой современности. Гораздо важнее выяснить, каким этот герой является в действительности.

Думается, что главная слабость обшорного исследования А. Овчаренко «О положительном герое в творчестве М. Горького» (1956) определяется как раз искусственной заданностью общего построения. На протяжении всей работы А. Овчаренко идет не столько от внутренней логики творчества Горького, сколько от общей и довольно произвольной схемы. Тезис о простотарате как главном герое истории механически накладывается на творчество Горького; весь путь писателя с самых первых его шагов тем самым неизбежно превращается в прикладную иллюстрацию бесспорного общего положения. Такой подход толкает не только к произвольному подбору, но и насильно над материалом. Пьеса «Мещане» оказывается «...пылесой из жизни русского рабочего класса», — тем самым перечеркивается специфика горьковской драмы, построенной на непримиримом столкновении пролетария Никола с враждебной ему мещанской средой.

Как указывает сам А. Овчаренко, «... в работе, посвященной проблеме положительного героя Горького, нельзя обойтись без специального раздела о персонажах отрицательных». Так герои Горького изымаются из образной структуры различных произведений и подразделяются на категории «положительных» и «отрицательных».

В отдельных случаях такое подразделение мотивируется характером горьковских произведений, отличающихся резкой поляризацией противоположных сил. Но зато в стороне остается огромное количество произведений, в которых закономерность соотношения образов проявляется гораздо более сложной. Не случайно из логики анализа А. Овчаренко, в сущности, выпали лучшие рассказы раннего Горького, которыми он, собственно, вошел в русскую и мировую литературу: «Челкаш», «Мальва», «В степи», «Дед Архип и Леняка», «На плотах» и др. Между тем эти рассказы имеют самое прямое отношение к реальной проблеме литературного героя, волновавшей Горького. Причудливые грани и изгибы национального характера, драматизм противоречий — национального и социального, индивидуальных человеческих потенций и общественной практики — все эти существенные для Горького-художника вопросы невозможно решить, пользуясь узко социологическими, нормативными критериями оценки героев.

Несомненно, что судьбы социалистического искусства с самого момента его рождения исторически связаны с идеями научного социализма. Влияние этих идей в той или иной мере испытали на себе все наиболее крупные художники нашего века, открыто вставшие на сторону революционного рабочего класса. Но порой это влияние трактуется упрощенно. Действительность — явление бесконечно сложное, многогранное, неисчерпаемое в своем содержании. Мысль о том, что художественное познание жизни «почти» приближается к научному, но даже в высших своих образцах не достигает этого уровня, является по меньшей мере предрасудком.

Для материалиста, писал В. И. Ленин, «...мир богат, живое, разнообразное, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны». Продолжая ленинскую мысль, можно сказать, что искусство в свою очередь способно открывать в мире новое, неведомое еще стороны, которые только и могут быть открыты его специфическими средствами.

Божество, современные исследователи нередко лишь иллюстрируют уже известные социологические выводы картинными (чаще обрывками!) художественного творчества. Критерием глубины и правды искусства оказывается не жизнь, а цитата.

Когда С. Касторский в своем сборнике статей (1955) доказывает, что в речи Павла Власова на суде «...изложена и основная сущность программы-минимум, выражающей ближайшие задачи пролетариата на этапе буржуазно-демократической революции», и «...тезис программы-максимум, рассчитанной на победу социалистической революции», то при такой трактовке почти терзается различие между романом как явлением искусства и политическим трактатом.

Между тем идеи Горького, оставаясь социалистическими, выступают в романе в некоем обобщенном художественном синтезе, приобретающ силу непосредственного эстетического воздействия. Именно это их качество исчезает при разложении художественной ткани на тезисы.

Вопросы социалистического реализма — это вопросы реальной художественной практики. Они могут решаться лишь с точки зрения жизни и творчества.

ВЫСТРЕЛ

американского воен-нослужащего, уби-вшего Лю Цзы-жана, послужил той искрой, которая раздула на Тайване пламя народного негодования против американских колонизаторов.

Безнаказанное убийство китайца — один из многочисленных случаев убийств, грабежей и насилий, совершаемых заокеанскими «суперменами» во многих странах мира. Бывший американский военнослужащий Чарльз Е. Фолей свидетельствует в своем письме в журнал «Тайм»: «Проведя четыре года в американском флоте, я видел исковерканную и разбитую обстановку в лучших отелях Европы, оставленную после себя американскими солдатами. В целом они представляют собой стадо вульгарно ругающихся, хвастливых, пьяных обезьян, которые болтаются по улицам иностранных государств и ищут случая, чтобы кого-нибудь оскорбить и что-нибудь уничтожить». Добавить к этой характеристике, пожалуй, нечего!

Американская пропаганда расписывает те якобы «теплые чувства», которые питают народы «союзных» стран к своим заокеанским «друзьям». В действительности по странам Азии и Европы прокатываются волны ненависти. Народы этих стран хорошо знают, что «дружеская помощь» Союзных Штатов на деле несет с собой подготовку к войне, нищету, горе и слезы.

«Даже небольшое знакомство с положением дел в мире должно убедить каждого человека, что дела, а не слова являются истинным критерием дружбы», — писал первый американский президент Джордж Вашингтон. Сегодня мы начинаем мысленное путешествие по странам, оказавшимся в военном союзе с США, и посмотрим, какие же дела творят там американские колонизаторы, как относятся народы этих стран к своим заокеанским «друзьям».

БУНТ ПРОТИВ ИМПЕРИИ ДОЛЛАРА

Тайвань: «Сад удовольствий» стал адом

В эти дни, когда события на Тайване привлекают внимание всего мира, стоит напомнить клятву мести врагам, которую дали тайванцы 60 лет назад, когда этот китайский остров был захвачен японцами: «Встречу ли в повозке, на лодке, на пути, в дороге, на постоялом дворе... я, тайванец, возьму в руки лук, пику или острый нож и в любое время без суда бузу убивать...»

Не изменили тайванцы своей клятвы. Убийство американским солдатом Рейнольдсом китайца Лю Цзы-жана переполнило чашу терпения людей. Ураган антиамериканских выступлений пронесся над островом.

Над островом, не затаивая, несется клич тайванцев: «Американские дьяволы, убирайтесь домой!»

В Вашингтоне и Нью-Йорке недоумевают: как могло случиться, что «Сад удовольствий», так называли американцы Тайвань, превратился для них в пылающий ад.

Пресса Вашингтона силится убедить мировую общественность, что оправдание солдата американской армии — «главный и единственный фактор, приведший к народной демонстрации».

Так ли это? Вот что пишет по этому поводу индийская газета «Амрита базар патрика»: «Формоза является болезнью дальневосточного организма; антиамериканские митинги — симптом этой болезни. Вряд ли можно найти постоянно действующее лекарство, за исключением устранения той основной аномалии, какой является дальнейшее существование дискриминационной системы, находящегося под иностранной опекой в части Китая».

Только немногие американские газеты трезво оценивают причины массовых антиамериканских выступлений на Тайване. Они вынуждены признать, что волнения на Тайване — результат глубокого массового недовольства американским колониальным гнетом на острове, недовольства

насилием Чан Кай-ши. Народные волнения на Тайване еще раз опровергли миф о прочности и незыблемости чанкайшистского режима, ибо власть Чан Кай-ши держится на американских штыках.

За восемь лет коалиционная американская армия на Тайване превратилась в колонию США. В памяти тайванцев эти годы навсегда останутся мрачными годами тяжелых испытаний и унижений. «Каждый патриот, находящийся на Тайване», писала на днях газета «Женьминьжао», — должен видеть, что в условиях американского гнета ему не гарантирована даже жизнь на положении раба».

Волна трагедий жителей Тайваня. Американские империалисты рассматривают их как резерв тушечного мяса в будущей войне. Нищета и голод царят в городах и селах. Закрываются фабрики и заводы. Сами гоминдановцы признают, что число безработных превнесло уже один миллион. Это значит, что каждый девятый житель острова — безработный. Страницы газет полны сообщениями о самоубийствах целых семей. Поистине парадоксом звучит высказывание английского журнала «Экономист», который расценил Тайвань, как «самый удачный пример американской помощи в Азии».

Что и говорить, пример, действительно, весьма «характерный».

Тайвань кишит американцами. Здесь и коммерсанты, и миссионеры, и люди без определенных занятий. Только военных солдат в городе три тысячи. Американский журнал «Сатердей иннинг пост» писал в статье «Формоза подобна вулкану», что американцев здесь «в несколько раз больше, чем нужно».

О решимости тайванцев говорить письмо, полученное в эти дни отделением агентства Ассошиейтед Пресс о Тайбэе: «Передайте американским военным частям на Тайване, что мы будем мстить ручными гранатами за смерть Лю Цзы-жана».

Жена и дочь Лю Цзы-жана, убитого американским солдатом на Тайване.

Готовясь к новым военным авантюрам, стремясь еще более закрепить свое безраздельное господство над Тайванем, США перебросили сюда недавно воинские части, вооруженные управляемыми снарядами с атомными зарядами. Высказывания американской прессы разоблачают истинные планы Соединенных Штатов. По свидетельству корреспондента газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» О'Доннелла, министерство обороны США уже давно «тайно обдумало» план «установления опеки ООН над Тайванем и передачу США прав на управление Тайванем».

Американские империалисты надеются и дальше препятствовать освобождению острова китайским народом. Американская пресса называет эти провокационные действия «демонстрацией силы» в Азии. Как писала по этому поводу газета «Женьминьжао»: «Только тому, кто теряет уверенность в своих силах и выдает в панику, нужно демонстрировать свои силы, чтобы успокоить расшатанные нервы».

В эти дни тайванцы особенно чувствуют братскую поддержку китайского народа. Китайский народ гневно требует: Тайвань должен быть возвращен в объятия родины!

Стихи Отто Гельстеда

РЕБЕНОК И МИР

Датскому поэту Отто Гельстеду 69 лет. Его статьи регулярно появляются на страницах органа Коммунистической партии Дании, газеты «Ланд ог фольк». Он — автор вышедших недавно прекрасных переводов «Илиады» и «Одиссеи», переводчик произведений современных поэтов на датский язык. Но прежде всего Гельстед — крупный лирический поэт современной Дании.

В 30-е годы Гельстед пришел к марксистскому мировоззрению, и в его стихотворениях тема борьбы человека со смертью, мраком, темными силами зла приобрела революционное, антифашистское звучание. Активный гуманизм Гельстеда с особенной силой проявился в его стихотворных сборниках последних лет: «Встань и зажги свет» (1948), «Песни во время холодной войны» (1952), «Смерть в занье» (1955), «Избранное» (1957).

В стихотворениях Гельстеда всегда находит отклик то, что волнует прогрессивное человечество, будь то гражданская война в Испании, оккупация Дании, борьба антифашистского лагеря с гитлеризмом или испытание атомной бомбой. Пафос Гельстеда — борьба за мир, которая в стихотворениях поэта осмысливается как борьба за жизнь на земле, за улыбку детей, за торжество разума над силами мракобесия, за свободу и счастье простого человека. Сегодня мы публикуем несколько стихотворений Отто Гельстеда.

Вел о политике я с другом разговор. В час утренний в саду мы с ним сидели, Грел над головой веселый птичий хор, Врывались в разговор ликующие трели, Над клумбой женщина склонилась. Ветерок Ласкал ей волосы. И локонов поток На щеки падал. В клубу перед садом Сажала женщина цветочную рассаду.

О будущей войне беседу мы вели, О мертвых городах, о страшном разрушении, И образ окровавленной земли Встал пред нами. Птиц весенних пенье Мешало говорить, земля над головой. И горячо сказал мне собеседник мой: «Мы все сошли с ума, безумье нормой стало, Рассудок и душа — все в лапах у Вала».

А рядом с женщиной, держа в руках совок, Стояла девушка, с вниманием наблюдала, Как мать работает. Вдруг зоркий голосок В саду раздался: «Мама, дорогая, Меня ты тоже в клубу посади, На самом видном месте — вперед. А лето подойдет и солнышко пригреет, Ты поливай меня, чтобы я росла быстрее».

И выпрямилась женщина тогда. Была она высокой и красивой, Попысла бусинками светлая вода На платье скромном, что она носила. И, посмотрев на нас, умолкнувших мужчин, Сказала женщина: «Он у меня один — Ребенок мой. И разве я воскрикну! Его затем, чтоб смерть его сколила?»

О, женщина с ребенком! Ты вдвойне Прекрасна и светла — ведь ты источник жизни; Мы губим все вокруг, сражались на войне, Даруешь вновь ты жизнь истерзанной отчизне.

Надежда наша — дети, потому Ты можешь победить и ненависть и тьму; В твоей святой любви и в материнском слове Та сила, что спасет нас от огня и крови.

Перевел М. КУДИНОВ

СВЕТЛАЯ ЗЕМЛЯ

Мне ясно: светлая земля, Подаренная нам к рождению, Лесов зеленые владения, И ширь морская, и поля — Простор для наших сил и знаний, Сверхенный и очаровательный! Простую эту благодать Мы не позволим истреблять. Нив, городов, морей, дорог Неоценимо наследство Живущим достается с детства — Однжды и на краткий срок. Спи на родительской ладони, Дитя, огонь тебя не тронет! Хоть снесся долгу всякий, Что детям мук судьбы.

Перевел Марк ШЕХТЕР

ПИСАТЕЛЬ

Зубами я — что делать? — не богат: Подлюкками всего, и те чербаты. Но широк торчат усы солдата, И лоб высок, и горд орлиный взгляд.

Пусть руку левую мою когда-то В сражении ранит турок-сулпаст. Мне права нужнее — я солдат. Перо, как меч, мой десницей склято.

Я воин. Пусть спина искривлена, Но к солнцу, как всегда, пряна дорога, И жизнь моя в борьбе со злом нгуна.

И в самые гложие времена Я следовал заветам чести строго. Сарантес я. Мне гибель не страшна.

Перевел Д. ТОЛУБОВ

Михаил Шолохов в Швеции

Советский писатель Михаил Шолохов и его супруга, совершающие туристскую поездку по скандинавским странам, уже несколько дней гостят в Швеции.

Имя Шолохова хорошо известно в Швеции. Здесь неоднократно издавались его замечательные романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Их общий тираж превысил 50 000 экземпляров — цифра очень внушительная для Швеции.

Телью встретили в Швеции замечательного советского писателя, 27 мая в порту, куда прибыл пароход из Хельсинки, М. Шолохова встречали представители прессы и различных организаций, в том числе Союза писателей Швеции, общества «Швеция — СССР» и Русского института при Стокгольмской высшей школе. Секретарь Союза писателей Гуннар Бергман, в сердечных выражениях приветствуя Шолохова, назвал его великим современным русским классиком.

Позднее днем, выступая на пресс-конференции, М. Шолохов выразил большую радость по поводу того, что после 22-летнего перерыва ему вновь довелось посетить Швецию. Он высказал также желание, чтобы контакты между шведскими и советскими писателями и издательствами умножались, и заметил, что Швеция и Советскому Союзу следует расширить обмен литературой, переводить и издавать друг друга больше, чем это делалось до сих пор.

Шведская печать и радио уделяют большое внимание приезду советского писателя. 28 мая М. Шолохов выступил по Шведскому радио. Он напомнил радиослушателям о том вкладе, который внесли в мировую литературу шведские писатели Август Стриндберг и Сельма Лагерлеф, и подчеркнул, что эта традиция — служить своим творчеством не только шведской, но и мировой культуре — в наши дни продолжена такими выдающимися представителями современной шведской литературы, как Ивар Лунд-Юханссон, Харри Мартинсон, Вильгельм Муберг, Муа Мартинсон и Артур Лундквист.

Затем представитель Русского института при Стокгольмской высшей школе,

доцент Нильс Оне Нильссон рассказал радиослушателям о жизни и творчестве знаменитого советского писателя. Он назвал Шолохова крупнейшим представителем современной русской прозы и одним из величайших эпических писателей мировой литературы.

Первые дни своего пребывания в Швеции М. Шолохов провел в Стокгольме, где он встретился со многими шведскими литераторами. На завтраке, данном в честь советского писателя издательством «Иден», директор издательства Альфред Гундлунд рассказал, что в ближайшее время «Иден» выпустит новое иллюстрированное издание «Тихого Дона» и что «Донские рассказы» Шолохова также включены в план издания. Он выразил надежду, что вторая часть «Поднятой целины» вскоре будет полностью опубликована по-русски, и тогда шведские читатели также смогут с ней ознакомиться.

На приеме, устроенном в честь М. Шолохова председателем общества «Швеция — Советский Союз» Эрландом фон Хофстеном, присутствовавшими, среди которых были молодые шведские писатели, задали почетному гостю ряд вопросов, на которые он подробно ответил. Вопросы касались творчества самого Шолохова, путей развития советской литературы и условий жизни писателей в Советском Союзе.

По приглашению правления Союза писателей Швеции М. Шолохов 30 мая присутствовал на официальном открытии нового здания Союза шведских писателей в Стокгольме в районе Лилла Хорнсберг. Это здание, сохранившее в себе архитектуру традиции XVIII века, ныне реставрировано и предназначено для шведских писателей и переводчиков.

На приеме после торжественного открытия председатель Союза писателей Стеллан Арвидссон приветствовал М. Шолохова, а Шолохов в свою очередь передал шведским писателям привет от их советских коллег.

После поездки по стране М. Шолохов направится в Норвегию и Данию. Свен СТОРК (по телеграфу).

Южная Корея: Сбросим тяжкое иго

Прошло почти четыре года, как закончилась война в Корее. Но действительно ли наступил в Южной Корее мир? Почему слышны еще выстрелы и сотрясается воздух от взрывов авиационных бомб?

Помните кадры из кинохроники, выпущенной в дни, когда в Корею похлынула пламя войны? Американский самолет стал пулей. Далеко внизу крошечная точка — ребенок. Чья-то тяжелая рука нажимает на гашетку... Беспомощно забилось и поникло маленькое тельце, траву оросила алая кровь...

А вот другая картина. Южнокорейская деревня Канзари в провинции Северный Кенсан. Крестьянин занят на своем поле посевом озимого ячменя. Снова в небе американский самолет, стремительно вниз летит бомба... Взрыв, столбы черной пыли, крестьянин разорван на части. Летчик может похвастаться метким попаданием в цель...

Что это, тоже кадр из военной кинохроники? Нет, это произошло совсем недавно, в октябре прошлого года. Просто летчик решил «развлечься» и избрал легкой мишенью мирного жителя.

Конечно, американские военные власти объявили, что это «случайность». Так же «случайно» сражен американской пулей китайец Лю Цзы-жан на Тайване. «Случайно» убит японская крестьянка Нана Сакан, «случайно»... Но что совмещается в том, что эти «случайные» убийства, грабежи, насилия американских солдат над населением тех стран, где стоят войска США, являются на самом деле преднамеренной политической поправкой элементарных прав и интересов граждан, землю которых попирают оккупанты.

Южнокорейская печать подобострастно служит США. Легко представить себе, каких пределов достиг разгул восьмидесятилетней армии американских солдат и как велико возмущение южнокорей-

ской общественности, если сообщение обо всем этом можно прочесть в газетах и журналах Южной Кореи.

Вот факты. Они не требуют пояснений.

Деревня Енчжудон, провинция Кенги. 80 солдат из полицейской роты 24-й дивизии американской армии ворвались в дома крестьян, разграбили магазин, превратили в щепы домашнюю утварь, арестовали около 70 жителей, которые попробовали оказать сопротивление бандитскому налету.

Деревня Декхорт, провинция Южной Кенсан. Двое американских военнослужащих открыли огонь по группе корейских детей.

Город Инчон, ул. Максекдон. Американские полицейские «спорта ради» начали стрельбу в шестнадцатилетнюю девушку Ли Бан Бэ и убили ее.

Город Инчон, ул. Суэндон. Американский солдат облил бензином и поджег дом, принадлежавший корейцу Тьян Сен Гвону. Шесть человек сгорели заживо.

Деревня Тенгок, провинция Кенги. Группа американских военнослужащих ворвалась в корейский магазин. Один из бандитов изнасиловал жену владельца магазина, а другие полностью его разграбили.

Можно продолжать без конца этот позорный перечень бесчинств. Даже лысымановское телеграфное агентство, сообщая об издевательствах американцев над корейским населением, признает, что все это похоже на то, как раньше обращались с «рабами» в Южных штатах Америки.

Пронзвол и грабежи переполнили чашу терпения народа Южной Кореи. Все чаще мирные жители выступают с активным противодействием оккупантам. Рост всеобщего возмущения не может скрыть и американская печать. Из Сеула в газеты США летят тревожные телеграммы корреспондентов американских агентств. Недавнее сообщение агентства Юнайтед Пресс из Южной Кореи нестрит упоминаниями о «росте антиямериканских настроений», «напряженности между местным населением и солдатами США», «беспомощности высшего американского командования». Последнее время под давлением общественности в Национальном собрании и даже в южнокорейском правительстве слышны голоса протеста. Депутат парламента Ким Бар Хо потребовал от правительства принятия мер против беззакония американских войск, а южнокорейский министр внутренних дел вынужден был заявить протест командующему американской восьмой армии в связи с налетом на деревню Енчжудон.

По словам сеульского корреспондента английской газеты «Телеграф», американцы презрительно называют корейцев «гукками» и обращаются с ними так, как если бы они не имели прав находиться в этой стране. Но есть всему конец. Вести поступают из Южной Кореи, свидетельствуют о том, что корейский народ готов сбросить с плеч тягостную ношу и показать оккупантам, что является действительным хозяином в его доме.

Франция: Недоверие и вражда

тикой США представляет собой совсем новое явление. Так или иначе, его свидетельством заслуживает внимания.

Итак, Хаузер во французской столице. Предоставим ему самому слово: «Американцы, приезжающие во Францию и издаваемые общим для всех наций желанием снискал себе любовь, зачастую приходят в ужас, увидев, что здесь творится...»

Если американец оставит свой автомобиль на улице, то, вернувшись, он увидит, что машина забросила помидорами. Если француз, водитель такси, обнаружит, что его седоком американец, он попросту его высадит, и пройтись пешком по улицам Парижа — удовольствие, которое нечасто случается. Французские бизнесмены, которая недавно посетила Соединенные Штаты, выехала в неполном составе: шесть ее членов, заказав билеты, вдруг заявили, что они не желают отправляться в США. Совсем недавно наше посольство в Париже стали забрасывать письмами, авторы которых всячески нас поносят. Некоторые из них возвращают похвальные отзывы, выданные им американским командованием за помощь нашим летчикам во время второй мировой войны. Один француз с возмущением вернул бронзую звезду, которой его наградили за подвиги на американской военной службе.

Когда американцы, которые сейчас живут и работают в Париже, приглашают провести вечер в какой-нибудь французской семье, это для них хуже мучения. Рано или поздно на вас непременно обрушатся

нападками. Битый час, а то и полтора придется беспрестанно отражать энергичные наскоки со всех сторон, пускаться в ход все свой патристический пыл, чтобы оправдать политический курс Соединенных Штатов, в котором большинство французских усматривает источник всех своих бед...»

Французские газеты полны язвительных критических замечаний по поводу действий и нашего образа мыслей, они беспощадно осуждают «иттиканскую Америку, которая поглощена лишь заботами о материальном и глуха к призывам сердца, ибо черует ее только гудение холодильников да рев реактивных самолетов». Один известный юмористический еженедельник недавно отвел свое первую полосу антиамериканским материалам. А ведущая парижская утренняя газета «Фигаро» поместила на первой полосе письмо «Дорогим американским друзьям», где в самых мрачных тонах предупреждает, что франко-американская дружба — в серьезной опасности.

Нарисовав столь нерадушую для американских читателей картину, Хаузер пытается найти причины создавшегося положения. Он пробует подвергнуть анализу экономику и внешнюю политику Франции, обвиняет французам в непонимании высоких «моральных» побуждений США и прекрекает их получением миллиардных американских займов. Мимодоход Хаузер оскорбляет весь французский народ, заявляя, что он страдает психопатией. Эти рассуждения автора, понят-

но, не представляют ценности. Но зато действительно ценны приводимые Хаузером высказывания многих французских, с которыми ему приходится беседовать.

«США — поистине что погубили Францию... Вы заварили всю эту кашу с Суэзем...» — передает Хаузер упрям своих собеседников. — Вы немедленно водорослите в Северную Африку, как только нас оттуда выгонят. Это вы уже продемонстрировали в Южном Вьетнаме. Вы заполучите жирные нефтяные концессии в Сахаре и заставите нас ползать перед вами на брюхе за каждую каплю бензина... Франция стала жалким сателлитом Соединенных Штатов!»

Хаузер признается, что он не встречал ни одного французца, который не был бы убежден в том, что у американцев имеется твердый план вытеснить французцев из Северной Африки, заменив их влияние господством доллара. Предложение США по разрешению алжирской проблемы, указывает он, ренцизируются во Франции «как дымова завеса для гнусных замыслов американских империалистов».

Вывод, к которому приходит Хаузер, знаменателен. Приведем и его: «Никогда еще после второй мировой войны престиж Соединенных Штатов во Франции не падал так сильно. Никогда еще мы до такой степени не теряли своей популярности».

«Проклятье! Какая горячая военная база!» Рис. Вейера-Ред из газеты «Нелес Деландж».